

Мульти-культи Ольги Грязновой, ненемецкой звезды немецкой литературы |

Автор: Андрей Федорченко, [Аарай](#) , 10.12.2014.

Ольга Грязнова (© Andrey Fedorchenko/Nashagazeta.ch)

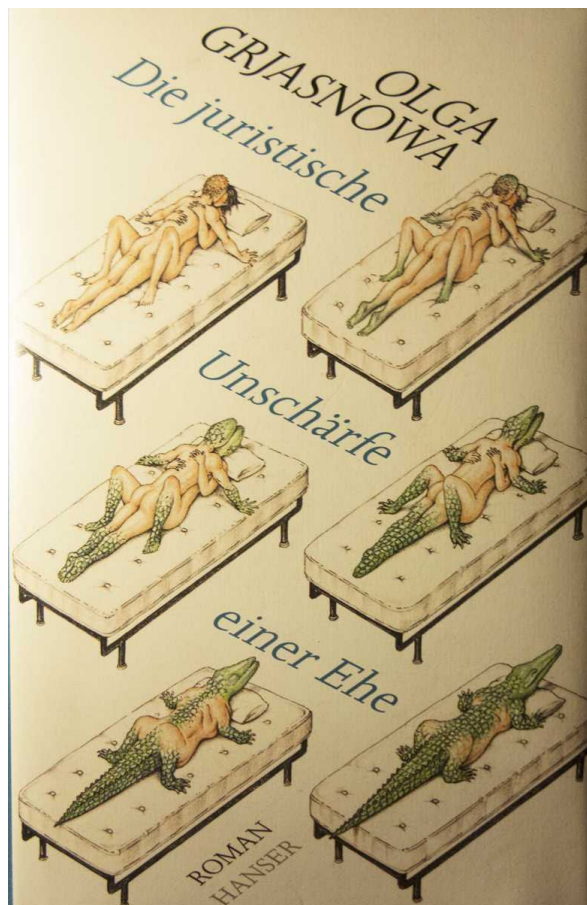
Рожденная в Баку и изначально русскоязычная писательница готовит в Швейцарии свой третий роман на немецком языке.

|

Счастлива страна, которая пополняется иммигрантами! Что бы не утверждали закоренелые ксенофобы, но экономика такой страны становится гораздо здоровее от их «наплыва». Статистика показывает, что не работают только около 12 процентов «пришельцев», остальные вкалывают в поте лица своего, платят налоги и соответствующие страховые взносы, пополняя в итоге государственный бюджет. Вдвойне счастлива страна, чья культура пополняется иммигрантами! Они привносят в национальную музыку новые звучания, в искусство – свежие краски, обогащают литературный язык. Пример англоязычной «Лолиты» Владимира Набокова – классическое тому подтверждение.

Долгое время Набоков был исключением. Пока рухнувшая в 1989 году Берлинская стена не только остановила многолетнюю «холодную войну», но также вызвала новую волну иммиграции из бывшего СССР, в том числе и культурной. Особенно в Германию, превратившуюся после объединения в крупнейшую страну Европы. Берлин стал не только официальной столицей ФРГ, но и культурной европейской. Именно в Берлине появился русский писатель Владимир Каминер, начавший первым писать на языке новой страны проживания. Достаточно вспомнить его «Russendisko». Эта и последующие книги Каминера привнесли в немецкую литературу феномен «мульти-культи». Название феномена – говорящее, оно отражает реальную мультикультурную ситуацию в сегодняшней Германии. Примеров «мульти-культи» сегодня множество: кинорежиссер Фатих Акин, писатель и художник Феридун Заимоглу, писатель Рафик Шами...

И, конечно, Ольга Грязнова. Восходящая звезда новой немецкой прозы. Ольга Грязнова, родившаяся в Баку и в 11-летнем возрасте переехавшая с родителями в Германию в качестве контингентных беженцев, практически неизвестна русскоязычному читателю. Между тем, тридцатилетняя писательница «поставила на уши» немецких критиков первыми двумя романами «Der Russe ist einer, der Birken liebt» (Русский – это тот, кто любит березы, 2012) и «Die Juristische Unschärfe einer Ehe» (Юридические неопределенности брака, 2014). Критики отмечают, что «уже давно в Германии не было более сосредоточенного

Обложка нового романа (© Andrey Fedorchenko/Nashagazeta.ch) на современной действительности и более оригинального в литературном отношении дебюта». В самом разгаре работа над третьей книгой. В настоящий момент Ольга находится в качестве стипендиата в Доме Литературы Ленцбурга в Ааргау (Aargauer Literaturhaus Lenzburg), где пробудет до конца декабря.

Мы воспользовались случаем познакомиться с писательницей и познакомить с ней читателей. Среди которых наверняка найдутся те, кто уже прочитал хотя бы один ее роман на немецком.

Наша Газета.ch: Вы уехали в Германию в 1996 году. Говорили ли Вы к моменту отъезда по-немецки?

Ольга Грязнова: Ни слова. Но меня сразу отправили учиться в немецкую школу.

И Ваши первые литературные опыты Вы написали по...?

... По-русски. Хотя я уже не помню, когда начался мой этот самый опыт. Я всегда очень много читала. Ну и писала, хотя это скорее были какие-то наброски, чем законченные произведения. Потом, уже после переезда, до шестнадцати лет я ничего не писала.

Это были наброски чего?

Наброски предложений. Мне нравилось, в первую очередь, как звучит язык. На русском языке можно писать изящнее, чем на немецком. Русская грамматика более свободна, например, шутки и юмор на русском воспринимаются намного легче. Можно поменять слова в синтаксисе... Да, на русском писать проще, хотя в немецком

языке тоже есть своя прелесть.

В Баку я прочитала французскую классику и весь русский литературный канон, а по приезде в Германию вдруг обнаружила, что здесь никакого канона нет.

Почему тогда Вы выбрали своим «рабочим» языком немецкий?

Потому что у меня не было другого выбора. Я ведь с 5-го класса училась в немецкой школе, здесь же закончила университет. В школе мне пришлось читать т.н. Jugendliteratur, романы для детей. Я их терпеть не могла, но это была отличная возможность выучить немецкий язык. На слух мне языки не очень даются, только через чтение книг. И еще: я уже забываю русский, чувствую, что с каждым днем он становится хуже и хуже, даже грамматика, поскольку я редко на нем говорю. Последний раз серьезно разговаривала во время стажировки в Литературном институте им. Горького в Москве.

А на каком языке Вы думаете?

Смотря где я нахожусь. Если я, например, в Израиле более трех месяцев, то на русском. А находясь в Америке, или общаясь со своим будущим мужем – на английском. К слову, английским я владею сейчас лучше чем русским, за что мне очень стыдно...

Как складывалась Ваша жизнь до литературного дебюта?

Сначала я провела год в Геттингене, где изучала историю искусства и славянскую филологию, а именно польскую... Почему не русскую? Это очень забавная история. Я очень хотела пойти на русское отделение, но в первый же день занятий поссорилась с педагогом: женщина-профессор, принимавшая у меня вступительный экзамен, сказала, что я должна заниматься русским с самого начала, с алфавита! Из-за моего акцента. Хотя сама разговаривала с сильным украинским акцентом. Я пыталась объяснить, что в Азербайджане русский язык звучит по-другому. В общем, мы поругались, и я решила: если придется начинать, то уж лучше с нового языка. Выбрала польский.

Затем я поступила в

Literaturhaus Lenzburg, резиденция писателей и поэтов (© Andrey Fedorchenko/Nashagazeta.ch)

литературный институт в Лейпциге на специальность «литературное сочинительство». Курс туда набирается небольшой, пятнадцать человек, а абитуриенты присылают на конкурсный отбор около шестисот текстов. Потом в числе пятидесяти отобранных кандидатов меня пригласили на собеседование, после которого я и стала студенткой. Проучилась там четыре года, получила диплом.

А что, есть такая наука - писать книги?

Нет, науки такой нет. Есть два типа семинаров: первый – история литературы, а второй имеет несколько классов. Классы прозы, драматургии, поэзии... Класс поэзии я не посещала, потому что просто не в состоянии написать стихотворение. Проза же – это то, что я могу. В ней я могу полностью раскрыть себя. Раз в семестр мы сдавали тексты, которые все вместе и критиковали. Театр также моя любовь, и написать что-нибудь для театра – мечта! Проблема в том, что в Германии нужно писать пьесы так, чтобы режиссер не смог их изуродовать. И еще пьеса звучит по-разному в зависимости от настроения актеров, режиссера. Поэтому иногда драматурга может постичь как счастье, так и горе.

После первого года учебы в Лейпциге я провела по полгода в Варшаве, в Литинституте им. Горького в Москве, в Берлине и Тель-Авиве...

А что Вы изучали в Тель-Авиве?

Официально тогда я еще числилась в студентках, но уже работала на своем первом романом и знала, что для его завершения мне необходимо провести в Израиле минимум полгода.

Вот мы и подошли к Вашей первой книге «Der Russe ist einer, der Birken liebt» (Русский - это тот, кто любит березы)...

На первых двух курсах в Лейпциге я писала только короткие рассказы. Я уже знала, что свою учебу должна завершить романом, хотя для получения диплома достаточно

было восьмидесяти страниц текста. Они и послужили началом первого романа в 300 страниц.

Когда «Der Russe ist...» вышел в свет, возникла одна проблема: почти все, прочитавшие книгу, подумали, что она автобиографическая. Хотя я его писала пятнадцать лет спустя после отъезда из Баку. На самом деле это роман мистических конфликтов. Главная героиня Маша, с которой меня сравнивают, -абсолютно независимый персонаж. Она появилась благодаря одной истории, подслушанной мною от бывшего бакинца, посетившего моих родителей. История эта произошла с его 16-летним сыном во время начала бакинских погромов. Ничего не подозревающий сын шел из школы домой. И вдруг буквально рядом с ним на землю упала женщина, которую выбросили из окна верхнего этажа жилого дома. С этого момента, по словам его отца, жизнь сына закончилась. И хотя сегодня ему уже под сорок, и у него есть семья и дети – он уже совсем другой человек. И я поняла, что эта история – именно то, что я искала, и свою Машу я уже конструировала под нее. Мне была нужна героиня (героиню мне было легче описать) с психологической травмой. Я прочитала тогда уйму специальной литературы по психиатрии, разговаривала с множеством людей, имеющих психологические травмы. В общем, получился конструктор под историю, которую мне хотелось рассказать.

Стал ли для Вас неожиданностью успех первого романа?

Я даже не ожидала,

Literaturhaus Lenzburg, резиденция писателей и поэтов - чем не дача? (© Andrey Fedorchenko/Nashagazeta.ch)

что кто-то захочет его опубликовать. Когда я окончила институт, сразу несколько издательств заинтересовались, пишу ли я что-нибудь? Я ответила, что да, через пять месяцев закончу роман. Однако, когда я разослала готовый текст, мне пришлось ждать несколько месяцев. Я уже потеряла всякую надежду, когда мой литературный агент вдруг сообщила мне, что шесть крупных немецких издательств сказали «Да». Не подумайте, что это книга такая гениальная (смеется), просто это типичный капитализм: если один хочет, то сразу и шесть других захотят. Наконец, роман издали тиражом 5000 экземпляров. Ну а дальше... дальше «Der Russe ist...» переиздали еще восемь раз.

Вы - немецкая писательница, пишущая не о немцах. Интересно ли это немецким читателям?

В принципе, очень. Но вот Вам мой тезис: немцев больше нет! В принципе! Особенно в больших городах. Вообще, немецкая нация – это сложный конструктор, которого на самом деле не существует. Лет пятнадцать назад партия христианских демократов пыталась продвинуть идею «ведущей культуры», довольно-таки фашистскую идею. Хотя север и юг Германии – это же словно разные страны. Даже «фантомы» ГДР и ФРГ существуют до сих пор. А ведь есть еще потомки турок, итальянцев и т.д. – и они тоже немцы! Но коренные немцы еще не готовы признать их как своих.

А ведь «мультикультура» началась в Германии еще в 1953 году, с первых гастарбайтеров, с итальянцев, греков и португальцев. Позже – турки и югославы. Но в Германии была сильна еще традиция фашизма, и к рабочим относились там с изрядной долей расизма. Это только сейчас в немецкое общество пришло понимание, что Германия – такая же страна иммигрантов, как и Канада, США, Австралия... Мой второй роман – он тоже в некотором смысле «эмигрантский».

Синтаксис Ваших книг идеально подходит для короткой прозы. Почему Вы предпочли форму романа?

Потому что я исхожу из фигур. Мне интересно, как фигура развивается. Я начинаю роман примерно так, как драматурги пишут пьесы: мне важны в первую очередь персонажи, даже если я еще не представляю на тот момент, что с ними произойдет.

После «Der Russe ist...» Вы написали второй роман - «Die Juristische Unschärfe einer Ehe» («Юридические неопределенности брака»). У него очень необычная конструкция...

Да, первая часть романа начинается с 29-ой главы и заканчивается 1-ой. Эксперимент со структурой для меня очень важен. Мне показалось, что эта строгая, почти архитектурная форма позволила создать нужный мне эстетический порядок.

Почему Вы так назвали роман? Ведь в нем описана история брака лесбиянки и гея, с юридической точки зрения четкого?

Ольга Грязнова (© Andrey Fedorchenko/Nashagazeta.ch)

Не всегда! Стоит в Германии вступить в брак, все сразу становится очень нечетко, особенно если он заключен между некоренными немцами. Нужно доказать, что в прежней стране проживания они не состояли в браке. Есть и еще множество самых разных бюрократических проволочек. Читатели в Германии очень хорошо поймут название романа: оно очень немецкое!

Лесбиянка Лейла создает семью с геем Алтаем, они эмигрируют в Германию, где в их жизни появляется американская девушка Юнона. Создается странный на первый взгляд любовный треугольник. Но странный ли? Я не очень-то верю в чистую гетеросексуальность и чистую гомосексуальность. Просто в разные фазы жизни оттенки влечения меняются. Вспомните хотя бы детские школьные компании: девочки с девочками, мальчики с мальчиками. А к кому-то, возможно, перемена либидо приходит к пятидесяти годам...

Жизнь моих героев проходит в ускоренном темпе. Это не метафора, так действительно живет молодежь в Берлине!

Любовно-семейная история происходит между эмигрантами из Баку Лейлой и Алтаем и американкой Юноной. Во второй части романа действие переносится в Баку, и в ней уже превалирует политический аспект. Ведь личные взаимоотношения героев никогда бы не состоялись, не вмешайся в них политика. И любовь и политика в «Die Juristische Unschärfe...» тесно переплетены между собой. Все, что я писала о азербайджанских реалиях, основано на моих личных впечатлениях от поездки в Баку, в которую я отправилась специально для сбора фактического материала.

Вам так интересна постсоветская тематика?

Очень! В романе описывается сумасшедшая гонка на автомобилях – любимое развлечение кавказских «золотых мальчиков и девочек». Я познакомилась с такими в Баку только благодаря своему имиджу: во-первых, иностранки, а во-вторых, писательницы. Этот круг молодых людей также очень интересен с социологической точки зрения: им в Азербайджане разрешено все! И у них никогда не возникает никаких проблем!

... Жизнь в мультикультурном Берлине напоминает Броуновское движение. Кажется, что в этом городе встретить дважды одного и того же человека невозможно в принципе. Иногда берлинцам проще встретиться на другом конце земного шара. Например, с земляком и старшим коллегой по писательскому цеху Владимиром Каминером Ольга познакомилась на книжной ярмарке... в Бразилии. Такое вот «мульти-культи» получается в современном мире... И в Швейцарии, где Ольга Грязнова работает над третьим своим романом, в том числе. О чем будет новая книга, она пока не говорит. Имеет право.

А мы, читатели, имеем право ждать. Надеяться. Размышлять. Настоящая литература бисексуальна в самом высоком смысле этого слова. Не верите? Откройте последнюю книгу Ольги Грязновой. Прочтите. Загляните «широко закрытыми глазами» в сущность, спрятанную внутри вас. И откройте ее для себя!

[швейцарская литература](#)
[литература швейцария](#)

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/peoples/18680>